

Он из тех парней, что просят извинения сразу после, а то и за пару секунд до эякуляции. Это про него.

Обидную фразу бросила одна из сокурсниц на празднике. Обидную и несправедливую.

Но задело. Спросите у Риты — хотел он возразить. Откуда вам знать?

Рита явилась на выпускной бал для докторантов в полосатой, плотно облегающей грудь блузке. Голос не то чтобы оперный, но это не помешало ей забраться на стол и спеть старинную студенческую песню. Прошло несколько часов, прежде чем Ландон решился с ней заговорить. Она — литературовед с пристрастием к эстрадной поэзии, он — американист, получил образование на никому не известных курсах.

Разговорились, и что-то из сказанного привлекло ее внимание.

Рита положила его застенчивость на ладонь и раскрошила в порошок. Впервые в жизни у него появилось что-то дорогое и важное, если не считать единственного письма от Ульрики, биологической матери.

Иногда они с Ритой ездили на дачу его приемных родителей на острове Каварё. Сидели каждый в своем углу огромного дивана со своими диссертациями. Рита занималась проявлениями мачо-культуры в поэзии

трущоб, он писал работу про Улофа Пальмё и его расхождения с Америкой. По вечерам залезали в постель с полуторалитровой коробкой сливочного мороженого и глядели друг на друга с удивлением: с какого перепугу мы потеряли целый день?

Ландон отложил ручку и поднял голову. Он должен перестать про нее думать. Во что бы то ни стало, раньше или позже, — он должен перестать про нее думать.

Иногда они встречались в коридорах, и он отводил глаза. Серое восковое лицо, отошала до неузнаваемости.

Последний год он изо всех сил старался ее разбудить — напрасно. В конце концов купил картонные ящики, упаковал вещи и съехал. В ее квартире на Лютхагсэспланаден место уютного дивана заняли двухметровый эллиптический тренажер и беговая дорожка. Гантели, эспандеры Пилатеса, шар Пилатеса, бесчисленные глянцевого журналы с рецептами капустных смузи и подробным описанием диет голливудских звезд... Рита ничего не готовила. Прогрессировал ацидоз: в ванной заметно пахло ацетоном.

Прошли месяцы. Рита стала лектором на факультете литературоведения — Глорию Эстер заставили уволиться. Ландон проходил пост-докторантуру на кафедре Северной Америки, но сумеет ли он удержаться на этом месте — неясно. Последний контроль показал, что он может вот-вот получить письменное предупреждение. “У вас ЖМК целых сорок один!” — воскликнула медсестра и осуждающе покачала головой. Институт питания решил, что много лет исправно служивший ИМТ, индекс массы тела, безнадежно устарел, дает слишком щедрые оценки. “Вас пока спасает высокий рост, — сказала сестра. — Но предупреждаю: положение серьезное”.

Так и сказала. Будто речь идет о преступлении.

Предложенная Партией Здоровья жиро-мышечная квота стала их главным политическим оружием. Именно ЖМК определяет пригодность к работе. ЖМК выше сорока двух — будьте любезны, вам в государственном секторе делать нечего. Когда Ландон впервые услышал проект этого закона, не поверил своим ушам. Теперь-то он был куда менее наивен. Раньше не осознавал, как далеко может зайти партия. На его кафедре Северной Америки один из доцентов был вынужден уволиться. И не только он — вместе с ним ушли двое молодых докторантов. Ландон попытался протестовать, но заведующий кафедрой пожал плечами. “Это же не я, — сказал заведующий. — Не я и не ректор. Такие вопросы решают более высокие инстанции”.

Новую партию народ принял с энтузиазмом. Юхан Сверд выбрал идеальную политическую позицию — между Альянсом и “соссами”*. На предвыборных дебатах выглядел так ярко и убедительно, что даже такие старые приверженцы “модераторов”, как господин и госпожа Томсон-Егер, поддались его харизме. И не только консерваторы — левые, а среди приятелей Ландона были и такие, тоже встречали молодого и энергичного политика восторженными аплодисментами. Особенно когда он говорил о необходимости усилить государственный сектор в экономике.

Атмосфера в университете изменилась. В столовой уже не говорили о Расселе, Хомском и Т. С. Элиоте. Главным предметом споров стала жратва — что можно есть, а что нельзя. А уж если съел, какой нужен тренинг, чтобы побыстрее от съеденного избавиться. Ландон теперь предпочитал садиться за отдельный столик,

* Альянс — четыре либеральные партии: Умеренная коалиционная партия (“модераторы”), Народная партия (либералы), Христианские демократы и Партия Центра. “Соссы” — народное прозвище социал-демократов.

чтобы не слышать эти разговоры. Обязательные тренировки никак не поднимали настроение. Он с отвращением смотрел на студентов-теологов, покидающих фитнес-залы чуть не за полночь, с темными разводами пота на футболках, зализанными волосами и пустыми от изнеможения глазами.

Как Рита, отмечал он с горечью. Эти тоже спятели. И старался больше про это не думать.

Ландон достал из картонной коробки одну из переплетенных книг и поставил автограф на титульном листе. Коллега из Стокгольма надумал прочитать его диссертацию. Замечательно — и коробка стала граммов на сто пятьдесят полегче, и хоть какая, но известность.

Он искал отца много лет. Собственно, его диссертация и была результатом этих поисков. Об этом знала только Рита, и теперь он уже жалел, что она знает. “Шведско-американские отношения 1968—1974”. Уже закончив работу, Ландон придумал подзаголовок: “Проблема Пальмё”. В подзаголовке, вообще-то говоря, и была главная фишка. Пальмё резко критиковал вьетнамскую войну, американцы обиделись, и обида затянулась на годы.

Три недели сидел в архиве в Вашингтоне и листал документы. Фотографии, сделанные солдатами и офицерами, перечень передислокаций. В городе стояли свинские холода, выпало почти два метра снега. Каждый вечер садился в автобус (17:30), добирался до общежития, пил кофе из бумажного стаканчика и жевал сладкие “Фиг Ньютон”.

Научному руководителю очень импонировал его энтузиазм. Мэтр не понимал: отчеты, которые Ландон посылает в Упсалу — всего лишь отвлекающий маневр. А правду знают только он и библиотекарь. Почти все время Ландон посвящает вещам, не имеющим никакого отношения к убитому шведскому статс-министру.

И ведь нашел! Нашел фотографию. Другую, не ту, что прислала его исчезнувшая мать. Герой войны Сален Логан Джексон. Коротко стриженные льняные волосы. Медали на лацкане. Но челюсть та же — тяжелая, широкая, как и должна быть у покорителей Дикого Запада.

Это было за полгода до того, как он встретил Риту. Приемным родителям, Бертилю и Амбер, письмо Ульрики он не показал. Вообще никому не говорил, не только им. У Ландона не было никого, с кем бы ему хотелось поделиться.

В тот вечер он долго мерз на лестнице Капитолия. Сквозь тюль непрекращающегося снегопада загадочно светились расплывчатые ореолы уличных фонарей. Одна за другой с рычанием проползали снегоуборочные машины.

Вот это и запомнилось больше всего: мороз. Для чего-то другого уже не осталось места.

Уже на следующий день Ландон вернулся в архив и начал читать. Отчеты о радикальных речах Пальмё. Буйные митинги левых. Циклопический первомайский митинг в Хюмлегордене*. Работа шла с невиданной и неожиданной скоростью. Американская армия сыграла отбой, ретировалась из его головы, а доблестный солдат ретировался вместе с ней, уступив место тому, ради чего он сюда и приехал.

Через полгода он пошел на тот бал и влюбился.

* Парк в центре Стокгольма (“Шмелиный сад”).